

Р 81
А-1169-358
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. ВІСНІК 358 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
XXIV**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1975

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ 1860-х гг.
(М. Л. Михайлов и Д. И. Писарев о произведениях Н. П. Макарова)

П. С. Рейфман

Н. П. Макаров (1810—1890) — лексикограф, составитель многочисленных словарей — личность весьма колоритная. Он занимался не только лексикографией. Непосредственно связанный с III Отделением, и за плату, и по собственному побуждению, Макаров рьяно выступал с обличениями «нигилизма», издал две сатиры («Кровавый призрак» и «Пиф-паф»), в которых, по его собственным словам, «огненными чертами изображал я опасность всему цивилизованному миру от коммунизма и интернационализма»¹. Аналогичные взгляды высказывались Макаровым в брошюрах «Противоядие Социализма» и «Против царубийц и нигилизма вообще». После убийства Александра II Макаров напоминал, что он уже давно «предвидел и предсказывал ужасы анархических стремлений, предсказывал в печати <...> и еще — в докладных записках»².

Обличая «козни» «нигилизма», браня Парижскую коммуну, Макаров предлагал создать газету, поддерживающую правительство, мешающую интернационализму «проползти змеюю в мое отечество»³. В пылу усердия он живописал будущие заслуги такой газеты, забывая даже о правилах грамматики. Цель подобного издания, по словам Макарова, — «бичевать, громить, т. е. беспощадно и смело осмеивать все уродливое, неблагонамеренное, зловерное; срывать маски, прикрывающие лже-прогрессистов — писак, прокаженных и зараженных ядом тлетворных и всенизвергающих теорий и учений запада, и которые писак, не смотря на предостережения и запрещения, продолжающих с иезуитским коварством и хитростию свое подземное и богопротивное дело»⁴.

Газету, основанную на тех началах, которые пропагандировал Макаров, пытался позднее, в 1880 г., издавать П. П. Цитович — «ретирадный» литератор, зло высмеянный Салтыковым-Щедриным в цикле «Круглый год». Эта газета, «Берег», поддерживаемая правительством, не имела успеха, ее издание вскоре пришлось прекратить. Макаров выражал сожаление по этому поводу, находя, что редакция «Берега» действовала неуклюже и из-за того общество не оценило газету⁵.

¹ Н. Макаров. Противоядие Социализма. СПб., 1874, с. 1. О Н. П. Макарове см. интересную книгу Б. М. Эйхенбаума «Маршрут в бессмертие. Жизнь и подвиги чухломского дворянина и международного лексикографа Николая Петровича Макарова», М., 1933. Далее: Эй х е н б а у м.

² Н. Макаров. Против царубийц и нигилизма вообще. СПб., <1881 ?>, с. 1.

³ Противоядие Социализма, с. 1.

⁴ Там же, с. 2—3.

⁵ Против царубийц и нигилизма вообще.

В конце 1850 — начале 1860-х гг. качества Макарова, которые столь отчетливо отразились позднее в его антинигилистических заявлениях, и печатных, и доведенных келейно до сведения начальства, еще не проявились. Но уже тогда в его произведениях сказывалась болезненная самолюбивость, маниакальная обидчивость, ущемленность, уверенность в том, что вся литература и журналистика только и заботится, как бы побольнее уязвить его.

В № 11 некрасовского «Современника» за 1859 г. было опубликовано произведение Макарова «Задушевная исповедь. Назидательная быль с вариациями на тему «точки зрения». Оно открывало отдел «Словесности, наук и художеств», более чем на две трети заполняя его (214 стр. из 322), и сопровождалось заметкой «Несколько слов от редакции по поводу предыдущей статьи».⁶ Автор заметки, Добролюбов, выражал надежду, что публика с удовольствием прочтет «Задушевную исповедь», отличающуюся от большинства обличительных статей: в последних, обычно, обличение дается с точки зрения людей посторонних, у Макарова же «сам больной рассказывает нам свою болезнь» (219).^{6а} По мнению Добролюбова, читатель может делать любые выводы о взаимоотношениях двух основных лиц, о которых говорится в «Задушевной исповеди», самого рассказчика и его противника, откупщика Штукарева; но, независимо от того, кто из них прав, произведение Макарова сохраняет интерес «верного изображения русской жизни» (220), помогая решить вопрос об источниках успехов или неудач различных деятелей современности.

В заметке Добролюбова ощущалась известная симпатия к Макарову. Но главным в ней было стремление отграничить позицию редакции от мнений автора «Задушевной исповеди», «остаться в стороне», предоставить судить об изображенном читателям. Редакция как бы заявляла, что она вовсе не намерена вмешиваться в тяжбу Макарова и его врага. Заметка предостерегала также от выводов в духе либерального обличительства, к которым подводило объективно произведение Макарова.

Руководители «Современника» имели веские основания и печатать «Задушевную исповедь», и отмечиваться от ее автора. Произведение Макарова, не говоря уже о том, что оно не отмечено печатью таланта, не выходило за рамки либеральных обличений и должно было произвести на читателей некрасовского журнала странное впечатление. С какой-то болезненной запальчивостью Макаров рассказывал историю своей дружбы, а затем вражды с Василием Андроновичем Штукаревым, в котором без труда можно было узнать известного откупщика В. А. Кокорева. Большая часть «Задушевной исповеди» состояла из горестных сетований на козни Штукарева, коварного и лицемерного злодея, обманувшего и разорившего автора, лишившего его надежд на откупные барыши. Ругань в адрес Штукарева перемежалась сведениями об интимных эпизодах биографии Макарова, о пылкости его натуры, самолюбивости, вспыльчивости, об его любви к первой и второй женам, о музыкальных талантах, виртуозной игре на гитаре и т. п. Раздраженная брань, самохвальство, амбициозность, стиль описания подробностей семейной жизни — все это создает впечатление, что автор не вполне нормален, что, в лучшем случае, он человек крайне неуравновешенный, страдающий манией преследования. И, тем не менее, редакция «Современника» была, видимо, права, печатая «Задушевную исповедь». Произведение Макарова превратилось в некрасовском журнале в одно из выступлений, направленных против откупа, как важной характерологической черты русской дореформенной действительности. Оно объективно давало материал для выводов и о разложении дворянства, и о хищнической бур-

⁶ См. Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9 тт. Т. 5, М.—Л., 1962. Далее: Добролюбов.

^{6а} Заметка Добролюбова цитируется по «Современнику», как и статья Чернышевского «Откупная система», о которой пойдет речь далее.

жуазной морали, носителем которой являлся Штукарев-Кокорев⁷. Но дело этим не ограничивалось.

Об откупе в периодике второй половины 1850-х гг. писали немало. Критика злоупотреблений откупщиков, как и обличения взяточников, — один из постоянных атрибутов либеральной «гласности». Откуп обычно трактовался как уходящее в прошлое зло, искореняемое благотворными действиями правительства. Естественно, что революционные демократы едко высмеивали подобный подход. Они критиковали откуп совсем с иных позиций, как закономерное порождение всей системы отношений, не изменивших своей сути и в настоящее время. В № 10 «Современника» за 1858 г., за подписью Л. Панкратьев, была опубликована статья Чернышевского «Откупная система», направленная и против откупа, и против либеральных обличений его.⁸ Автор с иронией писал о том, что в литературе вдруг все «накидываются с обличениями» на какой-либо предмет, «который вчера был совершенно таков же, как ныне, и совершенно таким же останется завтра» (211). К подобным предметам Чернышевский относил и взяточничество, и откуп — любимые темы либеральных словопроений. Критик «Современника», конечно, далек от всякой идеализации откупа. Он отлично понимает, что откуп — «вещь очень не прекрасная». Но либеральные противники откупа кажутся Чернышевскому похожими на человека, который двадцать лет мирно встречался с шулером и вдруг начал его порочить без всяких новых видимых причин. Такому человеку хочется сказать: «Друг мой, ваше негодование справедливо, но зачем же оно так долго молчало? <...> Вы представляете мне человеком, который не смел дурного слова сказать об Иване, пока Ивана кто-нибудь защищал, и осыпает чрезвычайно благородными и отважными укоризнами того же самого Ивана, увидев, что от Ивана отступились все. Ваше геройство представляется мне усердием вломиться в отвернутую уже дверь» (212—213).⁹

Через всю статью проводится мысль, что откуп — система, порожденная определенными социально-общественными причинами, что его нельзя улучшить, а можно лишь уничтожить, что он «представляется нам только частью целого», так как «разные явления частной или общественной жизни находятся между собою в тесной связи», что «дерево достигает роскошного роста только на удобной для того почве» (229).

С подобной позиции критиковался откупная система и в статье В. А. Федоровского «Подольско-витебский откуп» («Современник», 1859, № 3), в которой говорилось непосредственно о Кокореве, об его откупной деятельности. Кокорев, задетый Федоровским, начал всячески порочить «Современник», распустил слух, что автор статьи «Подольско-Витебский откуп» — Добролюбов, который якобы получил за нее 80 тыс. руб. от соперника Кокорева, откупщика Бенардаки.¹⁰ Не довольствуясь этим, Кокорев напечатал в «С.-Петербургских ведомостях» четыре огромных статьи «Обличительное дело» (1859, №№ 79, 104, 120, 129), где он подробнейшим образом, по пунктам старался доказать, что Федоровский оклеветал его, искажил истину. Возражая «Современнику», Кокорев выступал с позиций сторонника гласности; он патетически восклицал, прекрасно владея терминологией либерального обличительства, что гласность — «воздух, освежающий понятия», «контроль общественной непорочности» (№ 79); он лицемерно благодарил Федоровского за его статью и в то же время не соглашался ни с одним ее

⁷ См. Добролюбов, с. 598.

⁸ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. V, М., 1950, с. 318—334. См. также публикацию В. Э. Богграда «Доцензурная редакция статьи Н. Г. Чернышевского «Откупная система»» в сб.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 3, Саратов, 1962, с. 233—248.

⁹ Ср. со «школьным анекдотом», приведенным Добролюбовым в его статье «Новые стихотворения В. Бенедиктова».

¹⁰ Эйхенбаум, с. 193—195.

пунктом, утверждая, что «такая гласность только разъединяет общество, лишая его силы, нужной на дело общего добра» (№ 129).

Не желая, видимо, быть уличенным в передержках и грозя вместе с тем новыми опровержениями, Кокорев в конце последней статьи сообщал, что отвечал Федоровскому по памяти, не заглядывая в личный архив. Он обещал позднее сделать детальную сверку и опубликовать осевую возражения «Современнику», документально подтвержденные. Сулил Кокорев напечатать и оправдательную статью в ответ на критику Подольско-Витебского винного откупа.¹¹ Свои обещания он выполнять не торопился, но у читателей могло создаться впечатление, что доводы его в достаточной мере обоснованы, что последнее слово в полемике осталось за ним, что он опроверг Федоровского, а редакция «Современника» предоставила страницы своего журнала для голословных, не соответствующих действительности обвинений.

Создавшаяся ситуация, вызванные ею тактические соображения делают понятной публикацию в «Современнике» «Задуманной исповеди» как своеобразного ответа на оправдания Кокорева, написанного человеком, близко знающим откупщика, его прежним другом и соратником. Не случайно в начале «Задуманной исповеди» Макаров прямо ссылаясь на статью Федоровского, на возражения Кокорева в «С.-Петербургских ведомостях».

Появление «Задуманной исповеди» в печати было встречено отдельными сочувственными откликами, из которых однако следовало, что читатели не всегда улавливали разницу между выводами Макарова и точкой зрения редакции. В. Я. Стоюнин в газете «Русский мир» (1860, № 2) верно истолковал «Задуманную исповедь» как произведение объективно антибуржуазное. Он писал о том, «как отвратительна и пошла французская буржуазия, которая несколько не хуже возникающей русской». И в то же время Стоюнин выражал уверенность, выдержанную несколько в либерально-прекраснодушном тоне, что отныне «каждый благородномыслящий человек станет на сторону г. Макарова и потому может составить себе самое твердое мнение о г. Штукарева, не подверженное теперь, несмотря на все уловки, никакому сомнению». Стоюнин очевидно имеет в виду весь ход полемики между «Современником» и Кокоревым, но он слишком уж решительно становится на сторону Н. П. Макарова.

Большинство же откликов на «Задуманную исповедь», несмотря на авторитет «Современника», было явно ироническим. Так, например, в «Заметке провинциала о взяточничестве», появившейся в «Северной пчеле» (1859, № 272) за подписью: Провинциал, весьма насмешливо говорилось и о Макарове, и о журнале, напечатавшем его произведение. По мнению автора заметки, «Задуманная исповедь» свидетельствует, насколько Штукарев, каким бы он ни был, умнее Макарова, подвергшего себя полному саморазоблачению. Публикация творения подобного рода в некрасовском журнале, по словам «Провинциала», может заставить думать, «что «Современнику» печатать больше нечего. Сохрани его Бог!»

Довольно иронически о распри между Штукаревым и Макаровым писал и автор «Критического обозрения» журнала «Светоч» (1860, № 2, с. 51—60). Мимоходом упоминала о «Задуманной исповеди» и «Искра». В статье Z (В. С. Курочкина) «Диспут абиссинского маэстро с жрецами Ваала» (1860, № 15, с. 162) речь шла о гербе, в одной части которого изображен на «брусничном поле набитый соломою тюлень, играющий на гитаре сочинения г. Макарова (Зри «Задуманную исповедь»)».

С решительным отпором Макарову выступил на страницах «Русского слова» писатель-демократ М. Л. Михайлов. В № 1 за 1860 г. появилась за

¹¹ В защиту Кокорева написана и заметка некоего В. П. «К «обличительному делу». Письмо в редакцию», помещенная в № 92 «С.-Петербургских ведомостей» за 1859 г.

подписью: М. Л. его рецензия на «Задуманную исповедь»¹², злая и беспощадная. Едко высмеивая Макарова, Михайлов отнюдь не собирался оправдывать Штукарева-Кокорева и тем более откупную систему. Его статья — резкое неприятие как самого откупа, так и его «обличителей» типа Макарова, взывающих к благодетельной «гласности». Именно подобное «обличительство» неоднократно высмеивали ведущие сотрудники «Современника», например, Чернышевский в упоминаемой выше статье «Откупная система» или Добролюбов в стихотворении «Мысли помощника винного пристава». Михайлов по сути дела солидарен с ними. Он наносит удар сразу в двух направлениях, осуждая одновременно и существующее положение как производное системы, его порождающей, и либеральное «обличительство», вызванное «веяниями времени», личными обидами, осуждающее частности, не затрагивающее «основ». Такая направленность «в два адреса» вообще была характерна для революционно-демократической критики.

Пользуясь тем, что Макаров в том же 1859 г. перепечатал «Задуманную исповедь» отдельным изданием, Михайлов анализировал последнее, ни словом не упоминая о публикации «Современника», в котором критик сам в эти годы активно сотрудничал. Тем не менее его выступление превращалось отчасти в полемику с «Современником». Михайлов, вероятно, понимал причины, побудившие редакцию напечатать «Задуманную исповедь». Понимал он и то, что некрасовский журнал отнюдь не склонен к либеральным обличениям откупного дела. И все же Михайлов счел необходимым выступить против Макарова. Появление «Задуманной исповеди» в «Современнике» могло истолковываться читателями как солидарность редакции с Макаровым, с либеральным обличительством. Авторитет «Современника» в данном случае послужил бы прикрытием того, чего он не должен был прикрывать. Поэтому рецензия Михайлова звучала упреком; в ней проглядывало убеждение, что публикация «Задуманной исповеди» в «Современнике» — тактическая ошибка. Такое убеждение являлось не совсем правым, но в нем имелось рациональное зерно.

В то же время Михайлов по сути дела обращал внимание читателей на те объективно ценные выводы, которые следует извлечь из текста «Задуманной исповеди». Он истолковывал книгу как независимое от воли автора саморазоблачение, как свидетельство проникновения в дворянскую среду «интереса денежного», буржуазных отношений, ставших «пружиной всех действий». Тем самым рецензент в какой-то степени оправдывал публикацию романа Макарова в «Современнике», помогая понять причины, которыми могла руководствоваться редакция некрасовского журнала.

В 1861 г. в Петербурге вышел роман, на титульном листе которого значилось: «Победа над самодурами и страдальческий крест. Сатирическая быльщина. Написана Гермогеном Трехзвездочкинским. Издано Н. Макаровым». На самом деле Макаров — не только издатель, но и автор романа. В «Победе над самодурами», как и в «Задуманной исповеди», будущий лексикограф и обличитель «нигилизма» непрерывно жалуется на свои горести. Более половины романа (к ней относится вторая часть названия: «страдальческий крест») занята описанием треволений и невзгод героя без страха и упрека, Владимира Васильевича Громилова, под именем которого Макаров изображает самого себя. Подробно повествуется о вражде к Громилову пройдохи-предпринимателя Шельменко, о повести «Откровенное сознание» (т. е. о «Задуманной исповеди»), написанной Громиловым и на-

¹² См. «Библиографию сочинений М. Л. Михайлова» П. В. Быкова в Полн. собр. соч. М. Л. Михайлова. Т. I, СПб., 1914, с. 365. О «Задуманной исповеди» упоминается в примечаниях к кн.: М. Л. Михайлов. Соч. в 3 тт. Т. 3, М., 1958, с. 623, в диссертации А. М. Штейнгольда. Михайлов — литературный критик. Л., 1971, с. 76—78.

правленной против Шельменко, о ругани этой повести «бездарными писателями», готовыми забросить грязью любой талант. Макаров уверяет, что Громилов, т. е. он сам, написал несколько «превосходных повестей, рассказов и фельетонных статей»¹³. Он перечисляет, под вымышленными, но довольно прозрачными, названиями, всех своих журнальных недоброжелателей, не жалея ругани при их характеристике.

Громилов изображен противником самодурства, но предлагаемые им средства борьбы со злом крайне наивны. Все плохое, по его мнению, происходит от недостатка образования, поэтому главная задача — найти способ более дешевого печатания книг.

Название романа Макарова, содержание I-го тома ориентированы во многом на творчество Островского. Автор неоднократно подчеркивает, что он описывает Замоскворечье; в изобилии рассыпаны в книге пословицы, поговорки; Макаров щеголет просторечными словечками, колоритными именами героев-купцов (Псой Вафусьевич, Нунехия Псоевна, Феопистия Пакси-какьевна). На Островского ориентировано и изображение купцов-самодуров, и образ промотавшегося дворянина Шугарова, ищущего богатой невесты, напоминаящего одновременно, по словам Писарева, и Хлестакова, и Вихорева. Макаров прямо называет Островского «лучшим нашим драматургом» (т. I, с. 35) и ссылается на него, рисуя самодуров.

Однако, произведение, созданное Макаровым, не столько подражание Островскому, пусть даже бесталанное и эпигонское, сколько полемика с автор пьес о «темном царстве», сознательная идеализация действительности. Купец-самодур Сермяжников оказывается по своей сути хорошим человеком. Он, при всех своих недостатках, умен, добр, честен, добыл богатство собственным трудом. Многими достоинствами наделена и его дочь, смешная и нелепая при первых встречах с Шугаровым. Постепенно в ней обнаруживаются и любящее сердце, и сострадание к ближним, и здравомыслие, и человечность. Да и сам Шугаров, женившись на богатой невесте, внезапно преобразается. Он становится любящим мужем, рачительным хозяином, заботливым и гуманным помещиком. В сусально-сентиментальных тонах описана и аристократка княгиня Зарецкая, дающая Сермяжникову благодетельные советы. В итоге получается слащавая идиллия, которая, по замыслу Макарова, свидетельствует о том, как просто решаются все жизненные проблемы, как легко «перевоспитываются» и купцы — самодуры, и «коптителы неба» — легкомысленные дворяне. Роман сводится к поверхностной и пошлой морали, что дескать дело не в бороде и не в кафтане, а в уме и в поведении, к рассуждениям о вреде кастовых предрассудков, о пользе межсословных браков и т. п.

Новое произведение Макарова вызвало резкую отповедь Писарева, напечатанного в № 11 «Русского слова» за 1861 г. библиографическую заметку о книге Трехзвездочкина. Особенно иронически Писарев отнесся к «наивному оптимизму» Макарова, уверяющего, что победить самодурство столь просто: «Тут он решает такую задачу, перед которой отступали величайшие деятели нашей литературы: деятели эти, к сожалению, все были более или менее пессимистами и никак не могли возвыситься до той умолительной наивности воззрений, на которую с первого раза отважился Трехзвездочкин. В произведениях наших деятелей случалось всегда так, что одолевали самодуры и что под их тяжелыми стопами задыхалось и вымирало возникшее движение жизни. У г. Трехзвездочкина выходит совсем наоборот, и даже вторая часть его бывальщины украшена заманчивым заглавием: «Победа над первым самодуром». Я, признаюсь, приступил к замирианию сердца к чтению этой второй части. Что, если, думал я <...> если действительно г. Трехзвездочкин укажет нам средство радикально

¹³ «Победа над самодурами», т. 2, с. 201. В дальнейшем ссылки на роман в скобках, в тексте.

излечивать людей, одержимых бешом самодурства: ведь это будет рай земной, блаженство, а не жизнь»¹⁴.

В конце заметки Писарев намекал на цензурные обстоятельства, заставляющие заниматься разбором пустяковых книг, мешающие высказаться с полной ясностью мыслью о невозможности плодотворных изменений в рамках существующего строя: «Что нам велят писать, то мы пишем; чего не велят писать, того не пишем; бьемся, как рыба об лед, пляшем, как карась на сковороде, смеемся, когда кошки на сердце скребутся... Эх, уж и не говорил бы! Ну их совсем!»¹⁵

Слова Писарева о «плясках на сковороде» переключали заметку из иронической тональности в план серьезных и невеселых размышлений о современном положении литературы. За эти-то слова и ухватился Макаров, обвиняя Писарева в беспринципности. В «Листке ответов и возражений» «Русского инвалида» (1861, № 285, от 22 декабря) Макаров напечатал «Письмо к редактору «Русского инвалида», за подписью «Редактор литературных опытов Г. Трехзвездочкина», где называл Писарева «*плясуном на сковороде*», который, по собственному признанию, пишет не по убеждению, а «по приказанию своего начальника». Макаров обвинял Писарева в недобросовестности, в искажении фактов, в том, что его заметка — «не критика, а грубая, желчная брань».

Писарев поместил в № 12 «Русского слова» ответ на письмо Макарова, состоящий почти целиком из цитат, взятых из 2-го тома «Победы над самодурами», вышедшего уже после появления первой заметки о Трехзвездочкине. Приведенные цитаты, лучше любых других доводов, свидетельствовали о правомерности насмешек Писарева. Не довольствуясь этим, критик «Русского слова» напечатал в «Русском инвалиде» (1862, Прибавление к № 6, от 10 января) заметку, адресованную «редактору литературных опытов Г. Трехзвездочкина», публикуемую нами ниже. Продолжая в ней иронизировать над Трехзвездочкиным, критик обращает внимание на то, что редактор «литературных опытов» не понял, или сделал вид, что не понял, смысла рассуждений о «пляске на сковороде»¹⁶.

В заключение следует отметить, что Макаров, пытаясь возражать Писареву, выступил в «Русском инвалиде» еще с двумя письмами, вернее с одним письмом, дважды напечатанным в слегка измененных вариантах (см. 1862, Прибавление к № 15, от 20 января, «Еще об аккредитованной пляске на сковороде» и № 16, от 21 января, «Последний ответ аккредитованному плясуну»).

Выступления Михайлова и Писарева против Макарова — один из эпизодов борьбы демократической критики с либеральным «обличительством», с сусальско-идиллическим приукрашиванием действительности, за литературу, правдиво изображающую жизнь.

* * *

¹⁴ Сочинения Д. И. Писарева. Полн. собр. в шести тт., 5-е изд. Ф. Павленкова. Т. I, СПб., 1909, с. 554.

¹⁵ Там же, с. 557.

¹⁶ О романе «Победа над самодурами», о критике Трехзвездочкина в «Русском слове», о полемике по этому поводу в «Русском инвалиде» см. Эйхенбаум, с. 202—213. Однако, хотя в книге «Маршрут в бессмертие» полемика освещена достаточно подробно, в ней приводятся лишь отдельные цитаты из заметки Писарева в «Русском инвалиде». Да и весь материал, содержание романа интересуют исследователя, главным образом, в биографическом плане, как иллюстрация тех средств, при помощи которых Макаров стремился «обличить» своих недоброжелателей.

«Задушевная исповедь. Назидательная быль. С вариациями на тему «Точки зрения». Н. Макарова. Спб. 1859. В 8-ю д. л. 218 стр.

Во все продолжение чтения «назидательной были» г. Макарова мы колебались между двумя предположениями. Что такое эта книга? думали мы: действительно ли это «быль» из жизни господина, именующегося Н. Макаровым? или это одна из тех вымышленных автобиографий, какие мы сплошь и рядом встречаем между романами и повестями? Ничего не решило вполне наших сомнений, когда мы дочитали книгу до самого конца. Одна страница утверждала нас в первом предположении, другая разом обращала нас на предположение второе. Когда г. Макаров (мы будем называть так автора, хотя это может-быть псевдоним), когда г. Макаров рассказывает о нежных чувствах своих к двум своим женам (почти одним и теми же словами об обеих), мы, вероятно по непривычке к таким публичным излияниям, принимаем книгу за вымысел. Тем более, что и сам г. Макаров постоянно толкует о своем уважении к «святине своего домашнего очага». Наоборот, когда мы встречаем в книге г. Макарова имена общеизвестные, преимущественно из музыкального мира, мы никак не можем предположить, чтобы «задушевная исповедь» была произведением фантазии. Большая часть этих имен принадлежит лицам живым; стало-быть, г. Макаров не имел в виду сочинять исторический роман. Но, как уже мы сказали, чрез страницу — две наша уверенность в действительном существовании г. Макарова, а стало-быть и в подлинности его автобиографии, опять разлетается вдребезги. Мы до сих пор думали, опять таки, может быть, по старой рутине, что странно как-то и неловко говорить во всеулышание о своих достоинствах; а между тем г. Макаров, теми или другими словами, беспрестанно говорит о своем великом музыкальном таланте, о пылком благородстве своей души и т. под. Что мы до сих пор не слышали ничего о громкой музыкальной карьере г. Макарова и узнали о ней только из его «исповеди», это мы относим к нашему плохому музыкальному образованию. Вследствие этого плохого образования, разумеется, мы считали и инструмент, на котором г. Макаров, по собственному его рассказу, производил фурор и имел громадный успех в просвещенной Европе, а именно гитару — инструментом времен патриархальных, наравне с русской балалайкой и киргизскою чибызгой. Что же касается до благородства души г. Макарова, то, хотя из его же книги мы впервые узнали о нем, однако готовы отдать ему полную справедливость. Отраднo было нам видеть и пылкость чувств вообще г. Макарова, за которую сестрица его дала ему столь характеристическое название «Амалата Везувичча», название, составленное по всему вероятию из имени героя Марлинского и из имени огнедышащей горы Везувия. Действительно, расправа с нянькой, описанная г. Макаровым в начале его повести, похожа на извержение Везувия. За то, что эта нянька решилась высказать подозрение, будто г. Макаров имеет слабость к прекрасному полу, он поступил с ней возмутительнейшим образом, и повествует о своем отвратительном поступке с еще более возмутительным чувством своей правоты. «Я схватил немку за плечо (рассказывает г. Макаров), повернул ее лицом к двери и в то же самое мгновение хлыст взвизжал в воздухе и два перекрестные и полновесные удара упали на жирные плечи Марьи Ивановны и обозначились пушцовыми полосами. После четырех моих пинков, она из залы очутилась в сенях, где и произведено было мною продолжение назидательного поучения. Опасения мои насчет непрочности хлыста оказались справедливыми: он не выдержал и, после пятнадцати или шестнадцати ударов, изломался, и я окончил положенное число ударов рукояткою хлыста. Не стану описывать визг немки: он походил на все остальные визги — немецкие, французские, татарские и всех прочих народов. Последний, двадцатый удар был отсчитан Марье Ивановне уже на дворе, куда выбежала она в чаянии избавиться от заслуженной расправы. Толпа дворовых людей стояла и смотрела с замиранием сердца на казнь вызвавшей нем-

ки...» * По этим строкам уже достаточно видно, какого покроя человек г. Макаров. Но история с немкой Марьей Ивановной только незначительный эпизод в «Задумшевной исповеди»; главная цель этого произведения — предать посредством гласности каре общественного мнения откупщика Василия Андроновича Штукарева, коварного друга г. Макарова.

Увы! этой-то главной цели г. Макаров и не достигает. Разумеется, вы видите, что г. Штукарев человек очень таки сомнительной чистоты; но каких же чистых и благородных побуждений можно ждать от господ, посвящающих себя делу распространения кабачной деятельности? Это только г. Макаров мог увлечься по пылкости своей натуры благородством и нежностью чувств г. Штукарева. Итак г. Макаров ничего не прибавил к характеристике этого ловкого пройдохи, который, как говорит автор «исповеди», был изображен в полемической статье «Современника»** под заглавием «Подольско-Витебский откуп». Этой статье не дополняет ничем существенным рассказ г. Макарова, который желает раскрыть злокозненные поступки с ним самим г. Штукарева. Именно этой-то злокозненности мы и не видим в книге г. Макарова.

Сгорая жаждой деятельности, г. Макаров поступил сначала в военную службу (войны тогда не было), но, вероятно, не удовлетворившись этим поприщем, снова поселился у себя в деревне. Из этого видно, что г. Макаров обладал настолько хорошим состоянием, чтобы жить без всякой деятельности. Игру на гитаре шести или семиструнной нельзя же считать делом. Семья г. Макарова была так незначительна, что нечего было, кажется, хлопотать об увеличении своего состояния, если к этому не представляется чистых и прямых путей. Но человеческим желанием закон не писан, а г. Макаров притом человек увлекающийся. Таким образом он увлекся *очень выгодным* предложением г. Штукарева, вступить в откупную и питейную деятельность. Не смотря на пробудившееся в нем с первого разу отвращение к кабачной расправе управляющих питейными откупами, он несколько лет остался в атмосфере полугара. Оно, разумеется, гадко, дышать этим воздухом, и г. Макаров на каждой почти странице вопиет против кабаков; но — своя рубашка к телу ближе, и он посвящает кабакам все свои способности, пишет статьи (*дельные*, как сам говорит) о преобразованиях по откупам, о выгодах откупа, о лучшем устройстве откупа и т. д. Штукарев, действительно, словно по увлечению дружбы, облагодетельствовал г. Макарова, и с точки зрения везувианской пылкости мы понимаем восторг г. Макарова от великодушия г. Штукарева. При некотором хладнокровии становится, однакож, до яркой краски стыда неловко, когда читаешь пламенные страницы, обращенные г. Макаровым к своему благодетелю и другу. «*Благодарная* и юношески-огненная душа» г. Макарова дошла в своем пафосе до того, что видит в г. Штукареве «человека, осуществившего долго ненаходимый и недостижимый идеал высокой дружбы и всего прекрасного и благородного». Вследствие такого пылко взгляда, г. Макаров предлагает г. Штукареву дружеское и братское *ты*, которое г. Штукарев и принимает, *до поры, до времени*. В книге г. Макарова находится не мало писем с обеих сторон, и от г. Макарова к своему благодетелю, и от благодетеля к самому г. Макарову. Из хладнокровного чтения этой корреспонденции оказывается одно: что г. Макаров, на основании своей идеальной дружбы, предается преимущественно сердечным излияниям, г. же Штукарев говорит преимущественно о делах положительных, практических. Из этого ясно, что отношения между двумя сторонами какие-то неестественные; мало-помалу они становятся все страннее. «Юношески-огненная» душа г. Макарова, погружаясь в омут кабацкой деятельности, видно не могла сразу понять, что в этих благовоных сферах дружеские

* Расправа с немкой описана на с. 28—29 книги Макарова — П. Р.

** Макаров лишь намекает на это, хотя и довольно недвусмысленно — П. Р.

излияния становятся далеко ниже наполненных цифрами счетов, и никакие фразы «о прекрасном, о высоком» не заменяют граф о расходе и приходе. Коснея в своем благородном заблуждении относительно откупного мира, г. Макаров не понимает, каким образом г. Штукарев, облагодетельствовавший уже его двадцатую пятую паями, не исполняет своего обещания, дать ему, вместо их, пятьдесят паев. Г. Макаров имеет, как вы уже видели, очень аркадское понятие о дружбе. Совсем иное понятие имеет г. Штукарев, как о дружбе, так и о ведении откупных дел. Он не раз в письмах своих высказывает недовольство неровностью характера своего *protégé*. В одном письме его прямо говорится: «Появившаяся в тебе ровность в действиях подает мне большие надежды и дает возможность рассчитывать на тебя *гораздо более и совсем по-другому*». Ясно, что г. Штукарева не удовлетворяли взгляды на откупные дела г. Макарова. Следовало бы, кажется, отстать от них и остаться другом г. Штукарева, если г. Макарову уж так дорого священное чувство дружбы. Но г. Макаров, несмотря на полное несогласие нравственное, по крайней мере внешнее, с г. Штукаревым, продолжает им одождаться, и дожидается от своего патрона очень горьких и неделикатных замечаний. Сначала г. Штукарев говорит еще уклончиво, а именно вот как: «Доверяя тебе все, что угодно, извини, дорогой друг Николай, если до времени не совсем доверяю то, в чем нужна полная стройность, потому что боюсь твоего излишнего и порывистого усердия». Но вскоре являются уже и такие строки в письмах г. Штукарева: «Письма твои от 15-го и 17-го ноября и *впечатления*, изложенные в *особой записке*, я получил по возвращении из Пскова, куда ездил на неделю. Прочитав все твои *писания*, я сделался полон самой тяжелой грусти, потому что из них вынес свежее, сильное и верное убеждение о том, что ты никогда не будешь ровен и предусмотрителен... Не буду говорить о твоей непомерной восторженности, которая ни к чему не ведет, ибо в век разума истинное счастье создается на тишине и на господстве разума над всеми чувствами, что справедливо заметила тебе в этом роде твоя Софи (тогдашняя невеста г. Макарова). Не возражай того, что излияния твои относятся к одному мне, ибо я знаю, что и *другие* получают их в *достаточном* количестве». Далее идет перечисление пунктов, которыми г. Штукарев недоволен в действиях г. Макарова. «Напоминание об обязанностях, — заключает он, — есть, по-моему, вступление в совершенный разрыв со мною. Это вступление с твоей стороны уже зашло далеко. В оправдание свое ты, может быть, приведешь две причины, то есть, дружбу и женитьбу. На первое скажу, что дружба дружбой, а служба службой. Чем крепче дружба, тем тщательнее должна быть высказана любовь к делу, с засвидетельствованием ее результатами в чистых рублях». Последнюю фразу, как очень характеристическую, г. Макаров подчеркивает и не раз приводит ее в книге, вероятно, думая, что от такого господина, как Штукарев, нельзя было всегда ожидать ее. Фраза, действительно, характеристическая; но не менее характеристичен и образ действий г. Макарова. Несмотря на возникшие уже в нем сомнения в высоких нравственных качествах г. Штукарева, он послал ему упомянутую в письме *особую записку* с впечатлениями своими о помолвленной им тогда невесте. Записки этой мы не знаем, но можем судить о ней отчасти по восторженным возгласам о любви, попадающимся в книге, отчасти по критике г. Штукарева. Письмо, из коего мы привели последние отрывки, оканчивается такими строками: «Чувства мои окончательно пострадали от прочтения записки о Софи в трех периодах, начинающихся со слова: *Если*. Боже мой! какая дерзость и какая глупость, превосходящая даже персидскую поэзию! Я убежден в том, что твоя разумная Софи (какою я разумею ее в замечании ее о неуместных восторгах) устыдилась бы этого сочинения. Что касается меня, то я более не друг твой, а просто знающий тебя человек... Обращаюсь к второй части и хороню навсегда слово *ты*». Вы думаете, конечно, что г. Макаров, при своей везувийской пылкости, наплевал на г. Штукарева и на его дружбу и на его паи; но очень ошибетесь. Г. Макаров является Амалатом Везувиевичем более

на словах, чем на деле, по крайней мере, когда дело идет о паях. Он выносит всевозможные названия со стороны г. Штукарева, только бы не потерять драгоценного участия в возвышающем душу занятии рассиропливания вина и проч. Единственным проявлением оскорбленного собственного достоинства в г. Макарове следует назвать требование его, чтобы г. Штукарев выслал ему обратно тетрадь впечатлений, о которой отозвался так цинически неделикатно. Г. Штукарев отвечал ему: «Требуемые вами в возврат *писания* ваши я вам вышло, но те из них, где речь идет об архангелах и т. д., я говорю вам, как честный человек, что я уничтожил, и их никто не увидит, потому что они сгорели в камине». Обращение с собой г. Штукарева г. Макаров сам называет *поруганиями* (так!); а между тем, несмотря на них, все-таки не отстает от него. Какое же гуманное основание такому странному постоянству? Г. Макаров, громя перунами своего витийства г. Штукарева, забывает объяснить нам это обстоятельство. Он рисует себя каким-то страдальцем, жертвою адского коварства и т. д., говорит о тяжелых испытаниях, о горьких минутах и проч. Но какие же высокие побуждения заставляют его подвергать себя всему этому и оставаться в столь ненавистной ему, как можно заключить из его слов, «губительной струе акцизно-юпитеровской углекислоты». С крайним огорчением мы должны произнести слово, о котором он задушевно умолчал в своей «задушевной исповеди». Слово это — пружина всех действий, корень всех бедствий, поруганий и проч. — слово это: интерес, интерес денежный. Мы простили бы еще такую терпимость, или лучше сказать, поняли бы ее в г. Макарове, если б он был человек, обремененный семьей, неимуший, обиженный и судьбой и природой. Напрасно будете вы искать в книге г. Макарова слов, что ему нечего есть и нечего есть его детям. Таких слов вы в ней не найдете. Напротив, вот что он говорит на стр. 96: «Собственно мое состояние было *очень невелико*. У Софи тоже было *немного, самый маленький капитал*. Но когда я сделал ей предложение, у меня были *блестящие надежды, оправдываемые тесною дружбой* с одним из сильных откупного мира». Из дальнейших страниц оказывается, что г. Макаров разъезжал по Европе, отыскивая там лучших гитаристов, назначал конкурсы с премиями в восемьсот франков. Кажется, не из чего было унижаться перед каким-нибудь г. Штукаревым и питать надежды не на свои способности, не на свою деятельность ради общественной пользы, а на тесную дружбу с сильным откупного мира. Этот образ действий диаметрально противоположен тем высоким принципам, которые г. Макаров старается вывести из него в своем посвящении. Книгу свою г. Макаров начинает троекратным возгласом: «Гласность! гласность! гласность!» В последнее время часто слышали мы фразу, что гласность есть орудие обоюдоострое. Чуть ли даже фразы этой нет где-нибудь и у г. Макарова. Она как нельзя удобнее может быть приложена к нему самому. Обличение его, повторяем, не прибавило ничего к тому понятию, которое уже окончательно сформировалось у всех порядочных людей о господах Штукаревых. Зато сам автор явился перед публикою в таком странном свете, какого, разумеется, и сам не ожидал. Мы жалеем, что у г. Макарова не нашлось другого столь же хладнокровного друга, как г. Штукарев, чтобы посоветовать оставить под спудом «Задушевную исповедь» или по крайней мере не посвящать ее ребенку, *который, по достижении им совершеннолетия, станет краснеть за эту исповедь*

<<«Русское слово», 1860, № 1, Библиография, с. 67—73»>

* *
*

Г. Редактор литературных опытов г. Трехзвездочкина пришел в негодование от небольшой критической статьи, помещенной в ноябрьской книжке «Русского слова», и разобрал эту статью в одном из №№ «Русского» Инвалида». Как автор этой статьи, как человек, дорожающий своим честным

именем, я считаю нужным, не пускаясь в бесплодные перебранки, защитить себя от тех обвинений, которые возводит на меня г. Редактор литературных опытов г. Трехзвездочкина.

1) Г. Ред... обвиняет меня в способности выдумывать небывалые факты и основывает это обвинение на следующей фразе моей статьи: «Автор импровизации в продолжение тридцати лет питал постоянную дружбу к Алексею Алексеевичу Одинцову, которому и посвящается вся книга, написанная даже вследствие его совета». Г. Ред. говорит, что о совете написать книгу нет и помню и что этот факт я почерпнул из своей досуговой головы. «Да ведь такая выдумка называется ложью», — прибавляет мой обличитель.

В книге г. Трехзвездочкина, в посвящении, автор говорит, что он, по совету своего друга, оставил Петербург, удалился в деревню, вздохнул свободно и ожил. «Тогда, — продолжает он, — я взялся за перо и в четыре недели написал то, что посвящено тебе теперь». Я не присутствовал при разговоре г. Трехзвездочкина с г. Одинцовым и потому решительно не знаю, что именно г. Одинцов советовал своему другу, оставить Петербург и удалиться в деревню, или же, еще кроме того, вздохнуть свободно и ожить, или же, наконец, сделав все это, взяться за перо и в четыре недели написать сатирическую бывальщину. Я не знаю, но думаю, что всякое введение, вступление, предисловие или посвящение должно иметь некоторую связь с тою книгою, к которой оно прилагается. Читая посвящение г. Трехзвездочкина, я думал, что оно приложено для того, чтобы объяснить происхождение книги; если я в этом случае ошибся, то пусть г. Трехзвездочкин или г. Ред. его литературных опытов объяснит мне с какою целью оно напечатано. Если совет г. Одинцова не находится в связи с написанием сатирической бывальщины, то зачем же упоминать о нем? Кому интересно знать, куда и зачем советовали ехать г. Трехзвездочкину? Посвящать публику в интимные подробности своего домашнего быта даже невежливо. Что г. Ред... обвиняет меня во лжи, этому я несколько не удивляюсь; я даже не сержусь на него за это; такого рода выходки свойственны необразованным людям, одаренным шекотливым самолюбием; выходками таких людей не обижаются, их только опровергают.

2) Объявление, будто я желал осмеять г. Одинцова, не имеет никакого смысла. Ни я г. Одинцова не знаю, ни он меня не знает; с какой же стати я стану осмеивать его печатно; я всегда осмею литературную бездарность, неосмысленную заносчивость, мелочное и ничем не оправданное самолюбие; посмеяться над человеком, которого имя я только что узнал, благодаря г. Трехзвездочкину, на это я не способен, потому что для этого надо быть сумасшедшим.

3) Г. Ред... оправдывает книгу г. Трехзвездочкина, говоря что все события, рассказанные в ней, действительно случились и что все выведенные в ней лица по сие время здравствуют и живут. Это обстоятельство еще больше доказывает бездарность г. Трехзвездочкина: если под его пером действительный случай становится неправдоподобным и живые люди превращаются в куклы, это значит, что творчество ему не удалось и что ему надо положить перо, — тем более, что Ред... его литературных опытов так сильно обижаются отзывами критики и так неудачно защищает своего клиента.

4) Г. Ред. еще раз обвиняет меня во лжи и на этот раз сам ошибается; он говорит, что я сказал, будто цена за 244 страницы романа назначена 2 р. 50 к., между тем, как есть еще вторая часть в 366 страниц. Пусть г. обвинитель укажет это место в моей статье. На стр. 84-й я говорю: «но воля ваша, чтобы в месяц написать целую книгу в 244 стр., надо обладать значительною беглостью пера», а на стр. 85-й: «и все это (т. е. средство побеждать самодуров) найти за 2 р. 50 к. в книге совершенно неизвестного писателя, согласитесь, что это такое счастье, от которого может закружиться голова». Далее, во всей рецензии, нет ни слова о цене и величине книги. В одном месте я удивляюсь быстроте, с которою г. Трехзвездочкин написал

свою книгу, в другом радуюсь тому, что он открыл средство побеждать самодуров. И вдруг из сопоставления этих двух мест выводят заключение, что я встаю против дороговизны книги и отвергаю существование второй части романа. И на основании такого заключения меня обвиняют во лжи.

5) Желая уничтожить меня вконец, г. Ред... приводит «как венец вполне достойный г. критика» (т. е. меня) следующую выписку:

«Я сам это сознаю, и пишу только потому, что я сам лицо подначальное; что нам велят писать, то мы и пишем, чего не велят писать, того не пишем, бьемся, как рыба об лед, пляшем, как карась на сковороде, смеемся, когда кошки на сердце скребут».

Г. Ред... не понял смысла моих слов, хотя они написаны по-русски и вследствие этого пустил в меня и в «Русское слово» очень желчную и очень неприятную диатрибу. Он, кажется, не знает, что есть «обстоятельства, от редакции не зависящие», и что в отношении к этим обстоятельствам все пишущие люди — лица подначальные.

Дальнейшие объяснения по моей рецензии г. Ред... может получить от меня лично, в главной конторе «Русского слова», на Гагаринской, в доме графа Г. А. Кушелева-Безбородко, по вторникам, от 1 до 3 час. пополудня. Я с своей стороны от души прощаю ему его грубые выходки. Он — человек раздраженный; это надо принять в соображение.

Дмитрий Писарев

NB. Редакция «Русского слова» уполномочивает меня прибавить, что моя статья нисколько не пятнает журнала, в следующей книжке она с удовольствием поместит мою рецензию на второй том романа г. Трехзвездочкина. Критики, стоящие, по словам г. редактора литературных опытов, ниже презрения, будут появляться в наших журналах до тех пор, пока в книжной торговле будут появляться произведения, стоящие ниже посредственности.

<<Русский инвалид», 1862, прибавление к № 6, от 10 января, «Листок ответов и возражений»>.